

Б. К. ГАНУСОВСКИЙ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ЗА ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ

**1945–1955. ЗАПИСКИ ЖЕРТВЫ ЯЛТЫ.
ВЫДАЧА XV КАЗАЧЬЕГО КОРПУСА.**

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2017

УДК 340+10
ББК 471
Г19

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Ганусовский Б.

Г19 Десять лет за железным занавесом: 1945–1955. Записки жертвы
Ялты. Выдача XV казачьего корпуса. — М.: Тотенбург, 2017. — 454 с.

ISBN 978-5-9216-2231-9

Автор — известный эмигрантский журналист, прошедший путь от издателя студенческого юмористического журнала до офицера взвода пропаганды XV Казачьего кавалерийского корпуса. После окончания второй мировой войны был выдан англичанами советским органам репатриации и осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. В книге ярко и подробно описана жизнь и быт советских заключенных. Размышления о пережитом и судьба Родины занимают центральное место в произведении.

**УДК 340+10
ББК 471**

ISBN 978-5-9216-2231-9

© Издательство «Тотенбург», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

БИОГРАФИЯ	6
ОТ АВТОРА	9
ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ГЛОБУС» (г. Сан-Франциско, 1983 г.).....	10
ВВЕДЕНИЕ	11
ПРОЛОГ	18
XV КАЗАЧИЙ КОРПУС «Видение прошлого»	18
«Да если бы мы знали».....	25
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....	29
ПРЕДАТЕЛЬСТВО (О тех, кого предали)	29
ОБРАТНЫЙ ПУТЬ (И чего вы нас не завоевали?)	33
«ШЕМЯКИН СУД».....	36
СМЕРТЬ ВЕНГЕРСКОГО МАЙОРА	40
ЗДРАВСТВУЙ, РОДИНА!	43
ЧЕРЕЗ ВОСЕМЬ ЛЕТ	46
ВСТРЕЧА С МАРШАЛОМ ТОЛБУХИНЫМ	49
ЧТО ТАКОЕ СОВЕТСКИЙ КОНЦЛАГЕРЬ?	53
Туфта.....	65
«ДРУГ САМОГО СТАЛИНА».....	78
ВОРКУТИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ	89
Забастовка.....	91
Мы предъявляем требования	92
Приготовление к решительной схватке	94
«Герой катынского леса» желает говорить	94
Америка нам поможет!.....	97
Чекисты заматают следы.....	100
Свобода или смерть	101
Жертвы не были напрасны.....	102
«О ЖЕНСКОМ РАВНОПРАВИИ».....	104
МОИ ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ.....	105
ВСТРЕЧА ВТОРАЯ.....	109
ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ — НА «СВОБОДЕ» НЕ ЛУЧШЕ!.....	113

ВСТРЕЧА ЧЕТВЕРТАЯ —	
«ВАШИ ДЕТИ ПРИНАДЛЕЖАТ ГОСУДАРСТВУ!» ..	118
ВСТРЕЧА ПЯТАЯ — СУДЬБА СЫНА	124
«ТРУД В СССР — ДЕЛО ЧЕСТИ, ДЕЛО СЛАВЫ,	
ДЕЛО ДОБЛЕСТИ И ГЕРОЙСТВА» (Сталин).....	128
«... ДЕЛО ЧЕСТИ!».....	130
«ДЕЛО СЛАВЫ...».....	136
«... ДЕЛО ДОБЛЕСТИ И ГЕРОЙСТВА!».....	145
«КЛАССОВО-БЛИЗКИЙ ЭЛЕМЕНТ»	150
«ДЕВЯТЫЙ КРУГ»	153
«ЭТАПЫ»	180
РЕЛИГИЯ В СССР.....	196
КИРПИЧНЫЙ ЗАВОД	218
ПОБЕГИ.....	254
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	293
ЧЕКИСТЫ.....	293
Почему чекисты необходимы	293
Первые встречи. Следователи	295
Дуракам живется лучше	312
Применение «особых мер воздействия»	314
И опер может быть человеком	316
Дорога в «стукачи».....	318
И чекисты не все могут.....	324
ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ	330
Неожиданная помощь	330
Я объявляю голодовку	335
Как умирают от голода	340
Земной рай... по-советски	342
«Оперная линия»	349
Итак — я ослеп... ..	351
«Мастырки»	352
Разделение «овец и козлищ»	353
Терять было нечего... ..	358
Как нас лечили.....	362
ОБРАТНЫЙ ПУТЬ	365
Смерть Сталина	365
Напрасная смерть	371
«Либерализация»... ..	375

«Досрочное освобождение инвалидов».....	384
Князю — отказать.....	387
Проблески во тьме.....	390
Опять этапы.....	404
Эпизод в Горьковской тюрьме.....	407
Репатриационный лагерь.....	411
С глазами делается лучше.....	414
«Счастливые — на свободу едете».....	419
Итак, мы поехали... ..	424
Колхозный рынок.....	435
«Руски — бутылки»... ..	439
Свобода!.....	442
ЧУДЕСНАЯ ПАСХА.....	445

БИОГРАФИЯ

Ганусовский Борис Казимирович (Константинович) родился 10 октября 1906 г. в г. Севастополь в семье астраханского казака, инженера путей сообщения. С ранних лет получил прекрасное воспитание на основе православно-патриотических взглядов в семье. Учился в гимназии г. Петрограда. Однако из-за революционных событий 1917 г. закончить обучение не удалось — с семьей переехал на Юг, в г. Одессу, где поступил в Одесский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус. В конце января 1920 г. в составе Корпуса в условиях суровой зимы отступал к румынской границе. Из Румынии позднее переехал в Крым, где поступил в Сводный Полтавско-Владикавказский (с 22 октября 1920 г. — Крымский) кадетский корпус. В составе корпуса в ночь на 15 ноября 1920 г. был эвакуирован из Ялты в Константинополь, а затем в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (Королевство СХС, с января 1929 г. — Югославия). В 1926 г. окончил Крымский кадетский корпус.

После выпуска переехал в Белград и сдал необходимые экзамены, поступил в университет, зарабатывал на жизнь работой шофера. Принимал деятельное участие в сатирико-юмористическом журнале «Бух», являясь его издателем. Редактором был его друг и товарищ Николай Февр, художником — Николай Тищенко, все кадеты-крымцы. Вскоре Б.К. Ганусовский стал представителем фирмы по продаже автомобилей, и материально и морально жизнь его казалась благополучной и обеспеченной. Однако, с началом Второй мировой войны все изменилось...

После немецкой оккупации Югославии и создании Бюро по защите интересов русской эмиграции возглавил его печатный орган — газету «Новый путь». После слияния которой с «Ведомостями Русского Охранного Корпуса в Сербии», возглавил отдел внешней политики в объединенном издании под названием «Русское Дело».

В сентябре 1943 г. поступил на службу в 1-ю казачью кавалерийскую дивизию Вермахта генерал-майора Х. фон Паннвица (с февраля 1945 г. — XV казачий кавалерийский корпус). Участвовал в боевых действиях на территории Югославии (1943 — 1945 гг.). Был делегатом съезда казачьих фронтовиков в Вировитице (Хорватия, март 1945 г.), на котором было принято решение о вхождении XV казачьего корпуса в состав Вооружённых сил Комитета освобождения народов России (ВС КОНР). Участвовал в издании газеты «Казачий клич». Офицер взвода пропаганды пластунской бригады имени И.Н. Кононова формировавшейся 3-й казачьей дивизии, на апрель 1945 г. в звании поручик. За образцовое выполнение служебных обязанностей был награжден немецким крестом «За военные заслуги» II класса.

В составе части 9–12 мая 1945 г. капитулировал представителем 46-й пехотной дивизии V корпуса 8-й британской армии в районе Клайн Санкт-Пауль (севернее Клагенфурта, Австрия). 29 мая 1945 г. в г. Юденбурге насильственно репатрирован британским командованием в советскую оккупационную зону вместе с другими русскими офицерами XV казачьего кавалерийского корпуса, хотя не был гражданином СССР и в соответствии с ялтинскими соглашениями союзников от 11 февраля 1945 г. выдаче не подлежал.

Военным трибуналом 57-й армии 3-го Украинского фронта осуждён на 10 лет лагерей по статье 58-4 УК РСФСР («Оказание вооружённой помощи международной буржуазии»). С октября 1945 г. в советских лагерях. Срок отбывал на Полярном круге — в лагере № 274 Печорлага, в штрафной колонне № 49 1-го отделения Печорлага (1945 — 1950 гг.), на центральном лесорубочном лагпункте 12-го лаготделения Устьвымлага (район станции Ропча Северо-Печёрской железной дороги, посёлок Вожаель Коми АССР, 1950–1953 г.). С июня 1953 г. — в политизоляторе Минлага (Особый лагерь № 1, село Абезь Кожвинского района Коми АССР). Участник общелагерной забастовки и восстания на Воркуте в Речлаге (25 июля–1 августа 1953 гг.). В лагерях ослеп на оба глаза. Зимой 1954–1955 гг. этапирован в репатриационный лагерь в Потьму.

Освобождён как бывший югославский подданный и 12 июля 1955 г. репатриирован с группой иностранцев в Австрию. В 1955 — 1957 гг. — в Вене, где врачам удалось восстановить зрение Бориса Казимировича на 30% на одном глазу.

В США с 1957 г. Работал на радиостанции «Освобождение» («Свобода»). Преподавал русский и сербско-хорватский языки в военной школе в Монтерее (штат Калифорния) и в Маклестер-колледже в Сент-Поле (штат Миннесота). Регулярно публиковался в таких эмигрантских газетах, как «Россия» (Нью-Йорк), «Русская жизнь» (Сан-Франциско) и «Наша страна» (Буэнос-Айрес). Участвовал в жизни Кадетского объединения в США. В 1986 г. полностью ослеп. В 1988 г., во время празднования юбилея тысячелетия Крещения Руси, Б. К. Ганусовский и его супруга получили от архиерейского синода Русской Православной Церкви за рубежом «Благословенную грамоту» за свою церковно-патриотическую деятельность.

Умер 5 ноября 1993 г. в г. Сент-Пол, штат Миннесота, США.

В 1983 г. в издательстве «Глобус», г. Сан-Франциско, США были опубликованы воспоминания Б.К. Ганусовского под названием «10 лет за железным занавесом». Они стали одним из самых пронзительных человеческих свидетельств о советском ГУЛАГе. Сам автор в предисловии к изданию написал, что посвящает книгу *«миллионам мучеников, страдавших там одновременно со мною и продолжающих страдать там и теперь»*, а основной целью своего труда он видел в том, что бы *«прочитав эту книгу, многие наши соотечественники, живущие в свободном мире, еще яснее представят себе страшную суть коммунизма»*.

ОТ АВТОРА

Эту свою книгу — воспоминания о трагических годах, проведенных мною в советских концлагерях, я посвящаю миллионам мучеников, страдавших там одновременно со мною и продолжающих страдать там и теперь. Когда случилось чудо: наступила «хрущевская оттепель» и я получил возможность вырваться на свободу из «советского рая», то, прощаясь со своими друзьями, я дал им обещание рассказать свободному миру о том, что я видел и пережил, ничего не прибавляя и не выдумывая. Так я и сделал. Сначала написанные мною воспоминания выходили в течение почти трех лет в Сан-Францисской газете «Русская Жизнь». Потом «Армейская Школа Языков» в Монтерее - Калиф, с моего разрешения дважды напечатала их для нужд Школы.

А теперь я пользуюсь возможностью издать эти свои воспоминания отдельной книгой — доступной для всех желающих ознакомиться с секретами лагерной жизни в СССР.

Я счастлив, что я смог исполнить свое обещание, данное друзьям и сомученикам. Я надеюсь, что, прочитав эту книгу, многие наши соотечественники, живущие в свободном мире, еще яснее представят себе страшную суть коммунизма.

Борис Ганусовский

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ГЛОБУС» (г. Сан-Франциско, 1983 г.)

В настоящее время наше книгоиздательство является одним из очень небольшого числа русских Национальных издательств.

Главная цель, которую ставит себе наше издательство, это печатание книг, говорящих нам, русским эмигрантам, о том, чего нельзя забывать... О борьбе за освобождение России от власти коммунистов, о бесчисленных жертвах этой борьбы, о полном непонимании Западом происходящего — послужившего на пользу коммунистам... Время идет... То, что казалось бывшим вчера, отодвинулось почти на полвека. Живые свидетели и участники уходят в лучший мир и уносят с собой ужасную правду о том, что было... Между тем, для будущего нашей Родины, для новых поколений, для настоящей неизвращенной истории сохранение этой правды совершенно необходимо!..

Наше книгоиздательство — «Глобус» — поставило себе целью собирать этот исторический материал и издавать его книгами для того, чтобы правда сохранилась. Мы обращаемся ко всем бывшим свидетелям или даже участникам этих исторических событий прошлого: «Белой Борьбы», событий Второй Мировой войны, насильственных выдач со стороны «Свободного Запада» и т. д...

Присылайте нам имеющиеся у Вас материалы — мемуары, дневники, воспоминания, документы, которые наше Издательство будет печатать книгами на русском языке.

Основатель нашего книгоиздательства, В. Н. Азар-Заровский, тоже был жертвой предательства — был выдан советчикам на расправу с Первой Дивизией РОА. Но, Бог милостив, ему удалось бежать на Запад. Тогда же он дал обет сохранить для будущих поколений правду о России. Это еще больше заставляет нас посвятить свою деятельность национальной русской работе.

Мы приветствуем всех, кто пожелает обратиться к нам по этому вопросу.

ВВЕДЕНИЕ

Эта страшная книга рассказывает о судьбе многих-многих тысяч русских людей, боровшихся во время Второй Мировой войны против коммунистов. Автор этой книги принадлежит к «первой волне» русской эмиграции. 14-летним мальчиком он в составе Крымского кадетского корпуса покинул Родину в ноябре 1920 года, оставив в Севастополе своих мать и сестер.

Трудно пришлось ему пробивать себе путь в жизни — помочь ему было некому. Когда его жизнь стала, наконец, как будто налаживаться — грянула Вторая Мировая... Снова все рухнуло.

Летом 1943 года, узнав что в Польше, где-то около Варшавы, формируется 1-я Казачья Кавалерийская дивизия, он оставил все в Белграде и отправился туда, чтобы принять участие в борьбе против коммунистов.

В чине лейтенанта он прослужил в составе этой дивизии, превратившейся затем в «15-й Казачий Кавалерийский Корпус», до конца войны. К его разочарованию Корпус был отправлен не на Восточный фронт бороться против Сталина, а в Югославию для борьбы против Тито. Так прошли там почти два года суровой и страшной борьбы с коммунистическими партизанами, и настал конец войны.

Германская армия к этому времени уже потеряла свою былую боеспособность и начала разлагаться, но Казачий Кавалерийский Корпус верил, что это еще не конец, что «союзники» понимают, что такое коммунизм и продолжают борьбу против Сталина, и им еще придется повоевать за свободу своей поработанной Родины. Первые недели пребывания в английском плену давали надежду на осуществление этой мечты. А потом вдруг... грязный обман и предательство: и весь 40-тысячный Казачий Корпус оказался выданным с помощью лжи и обмана своему заклятому врагу Сталину.

Военный суд, этапы, крайний север-заполярье, рабский труд, полное истощение и слепота.

Только после смерти Сталина режим немножко смягчился. Отбывших срок несоветских граждан стали отпускать за границу. В их число по милости Божией попал и автор этой книги, уже совершенно слепой.

В Австрии его лечили и сумели вернуть зрение на один глаз, но и то в весьма ограниченной форме.

Потом переезд в Америку. Здесь было уже несравненно легче и лучше. Получил, наконец, должность преподавателя русского языка в американском колледже. Одновременно написал и эту книгу.

Теперь, следя за иностранной печатью, он видел, что и в свободном мире пишется много искажений и просто лжи о событиях Второй Мировой... Особенно того, что касается событий на Восточном фронте. Как не странно, тут интересы врагов совершенно сошлись. Им надо было объяснить поразительное явление: сдачу в плен миллионов советских солдат в первые годы войны.

Во время Первой Мировой войны, конечно, тоже были пленные. Войны без пленных не бывает. Но не было таких огромных сдач, как в начале войны в советской армии. Да и дух, и настроение этих военнопленных были совершенно другими. Например, известен такой характерный случай: в одном маленьком городке в провинции Босния, принадлежавшем до 1918 года Австро-Венгерской Империи, находился большой лагерь русских военнопленных. Однажды эти военнопленные были выведены из лагеря на работу — грузить в эшелоны артиллерийские снаряды для отправки на русский фронт. Узнав, чего от них требуют, военнопленные отказались работать. За этот отказ несколько человек были показательно расстреляны перед строем. И все-таки на работу они не пошли.

По окончании 1-й Мировой войны и присоединении Боснии к Королевству Югославии местное население перенесло останки расстрелянных русских героев в братскую могилу на главной площади городка... В ту — Первую войну — нигде и никому из врагов России не удалось сформировать даже и взвода из русских военнопленных, а в эту — Вторую — Армия генерала Власова насчитывала БОЛЕЕ МИЛЛИОНА ДОБРОВОЛЬЦЕВ, в число которых входил и

наш Казачий Кавалерийский Корпус. Причем следует отметить, что большинство его служащих не были военнопленными, а казаками, скрывавшимися от мобилизации в Красную Армию и дождавшихся прихода немцев и тогда сформировавших по собственной инициативе отряды для борьбы с оставленными коммунистическими ячейками, начавшими формировать партизанские отряды. Вот из них-то и был сформирован этот Казачий Корпус.

Надо развеять клевету на власовцев — что они пошли служить за какую-то подачку от немцев. Это ложь, они пошли бороться против Сталина, и только непроходимая глупость Гитлера помешала освобождению России еще 40 лет тому назад.

Ну, что же... Теперь «Свободный мир» расплачивается за свою эгоистичность и глупость...

Передо мной на столе лежит пачка смятых и грязных бумажек, исписанных, где карандашом, где чернилами. Но, когда я смотрю на них, то мне кажется, что они написаны свежей кровью, что густые капли её вот-вот начнут стекать с этих так много видевших страниц. С того, что теперь стало модно называть «человеческими документами».

Эти бумажки — часть писем, которые были мною написаны с фронта своей жене. В них я описывал более яркие и характерные случаи боевых дней. Там отразилось то, что волновало, заставляло гореть сердца 40 лет назад. То, что потом было предано насмешке и поруганию, а потом милостиво амнистировано. Но, этих писем сохранилось не так много. Они лежат скромной пачкой. А рядом лежат другие письма. Письма, на которых сохранился след слёз. Самых настоящих слёз, а не фигуральных, принятых для красного словца.

Эти письма я писал себе сам.

Как это может показаться странно: писать письма самому себе? Зачем? Я постараюсь объяснить это. Фактически письма эти никогда не попадали на почту. Их никто не отправлял и никто не получал. Писал их я сам, находясь в советском концлагере. Это был мой дневник. Всё остальное написанное могли отобрать каждую минуту. Только для писем делали иногда исключение. Считалось, что они прошли через цензуру и вредного в них быть не может. Но, как много интересного всё-таки пропало. Или отобрали ретивые «надзирате-

ли», или скурили на сигарки всеильные блатные в тот момент, когда нельзя было достать никакой другой бумажки.

Эти «письма» написаны по-разному. И фиолетовым советским чернилом, сделанным из химического карандаша, и просто карандашом, толстыми неуклюжими буквами с разъезжавшимися строчками, написанными в период особенно тяжелых условий острого голода 1946—47 гг. Содержание писем иносказательно. Ни для кого другого они не понятны и не интересны. Но, для меня они живут и дышат страшной, душной жизнью. Кругом меня тишина. Я один в комнате. Но, я не слышу этой тишины, я слышу гул оружейной пальбы или сухой звук, как от раздираемого полотна — пулемётные очереди. Передо мной с этих страниц встают окровавленные лица моих погибших соратников. Я слышу мучительные стоны и проклятья. То до меня доносится тихий шёпот, умоляющий о помощи или сострадании, или циничная богомерзкая ругань профессиональных воров и многократных убийц, составлявших моё общество в течение многих лет. Всё это промчалось. Если я был виноват перед собой или перед Богом, то я полностью расплатился за всё. Я умирал не раз, а сотни раз. Медленно, мучительно и без сожаления. Я боролся за жизнь так, как когда-то боролись между собой пещерные люди, вырывая друг у друга кусок окровавленного мяса, перегрызая глотку слабому и стараясь всеми доступными средствами, не зная и не думая о морали, отодвинуть от себя подальше призрак костлявой, никогда не сытой смерти.

— «Ты умри сегодня, а я завтра!» Этот звериный лозунг годами был моим лозунгом, моей моралью.

Стыдно ли мне за это? Ответу вам совершенно искренне — нет, не стыдно! Никто не смеет осудить меня за это. Я в этом не виноват. Ответственность за это, за то, что человек, имевший устремления к высоким идеалам, мечтавший о служении человечеству, превратился в животное, готовое пожирать себе подобных, вырвать кусок изо рта у слабого, обокрасть такого же голодного, зачастую своего ближайшего друга, и после этого смотреть ему в глаза, не чувствуя угрызений совести, ответственность за это унижение человека, за то, что его заставили, погоняя железными бичами, пройти обратно путь к незнающему морали животному,

которым люди шли вперед, обливаясь кровью многие тысячелетия, ответственность за это лежит на тех, кто меня к этому вынудил. Вынудил невероятными муками. Нестерпимо долгим голодом. Голодом, рассчитанным на то, чтобы не дать умереть, но и не дать почувствовать себя человеком.

Страшные видения проносятся передо мной, когда я остаюсь один. Я слышу заунывный звон обрезка старой рельсы, которым миллионы людей, каждый день, с проклятиями поднимают на каторжную, непосильную работу. Я вижу снежные вихри, заметающие ряды полуодетых, скрюченных от голода бывших людей. Да, я не оговорился. Именно бывших людей. Теперь это уже не люди, это звери, готовые на всё. Это звери затравленные, забитые, усмирённые. Они уже не огрызаются на своих дрессировщиков и осмеливаются только исподтишка кусать друг друга. Кусать больно. Садистически выбирая самые больные места.

Нет, я чувствую, что я незаслуженно оскорбляю зверей. Бедные звери не знают, что то, что они делают — плохо. А эти звероподобные знают прекрасно. И делают именно потому, что знают! Те нестерпимые муки, которые им приходится терпеть бесконечно долго, безо всякой надежды на спасение, вынуждают их к этому. Они не могут этого не делать, ибо тогда они умрут! А они не хотят умереть. О, как хочется жить. Жить, именно тогда, когда эту возможность жить отнимают.

Отнимают медленно, понемножку, растягивая это удовольствие.

— «Вы, что думаете, мне нужен ваш труд? Нет, мне нужны ваши трупы!». Эти издевательские слова висят над нами годами! Мы слышим их по утрам, когда нас выгоняют палкой из вонючего барака на нестерпимый полярный мороз долбить клином и молотом гудящую, как чугун, землю. Мы слышим их, когда получаем за свой нечеловеческий труд миску вонючей похлёбки, которую даже мы не могли есть, не зажимая нос. Это же мы слышали, когда ложились спать вповалку на щелевом полу, под нарами, где стена обросла грязно-зеленоватым от нечистого дыхания и махорки инеем.

Это было наше проклятие, наша казнь. Наше искупление. Вот тогда-то я и решил вести дневник. Это было стро-

жайше запрещено. Если бы его нашли у меня, то я получил бы такое наказание, что вряд ли остался бы в живых. И вот тогда я придумал, что буду на разных обрывках бумаги, чем грязнее — тем лучше, писать сам себе письма. Я писал их от имени какого-то несуществующего брата, который описывал мне свою жизнь где-то на воле. Я изобрёл целую систему иносказательных выражений, которые делали мои «письма» непонятными и безвредными даже для всевидящего оперуполномоченного.

Со страшным риском я хранил их, как зеницу ока. Несколько раз я их терял. Отбирали. «Зачем, мужик, носишь письма? Прочел и брось!» С надзирателем не поспоришь, приходилось бросать и начинать снова.

С ещё большим риском вёз я их через границу, не смотря на то, что был предупреждён, что если найдут хоть одну исписанную бумажку, то никогда уже не попаду за границу. Но, я всё-таки вёз. И... вывез.

Мои письма, писанные с фронта, сохранились у жены. Они, эти письма — моё богатство, моё сокровище и моя казнь. Они не только лежат передо мной на столе, они всегда в моём мозгу, они наполняют всё моё существо.

Мне говорят, что написано очень много книг про войну и про советские и другие лагеря. Что тема уже надоела и устарела. Что люди не хотят мучить себя чтением таких страшных книг. Но, я не могу. Сила, заставляющая меня писать, выше меня. Если я не расскажу людям то, что они должны знать, если я не заставлю их, сытых и довольных — содрогнуться от ужаса и омерзения, то я буду считать, что я прожил свою жизнь напрасно.

Я поставил своей целью рассказать людям, как другие люди, те которых в большинстве уже больше нет на земле, отдали свою жизнь, свою кровь, каплю по капле и слезу за слезой для того, чтобы эти сытые могли и дальше жить спокойно и сытно. Жиреть и не думать о том, что было сделано для того, чтобы они могли наслаждаться своей удобной жизнью.

Не за себя! Нет, я растворился в этом море людских страданий и стал одной из его капель. Но, за всех, за всё это безбрежное море замученных, обездоленных, ограбленных и

униженных хочу я возвысить свой голос, ибо сама судьба дала мне это право и обязанность.

Вы, сытые, спокойные, наслаждающиеся жизнью! Слышите ли вы стоны погибающих и зовущих на помощь?

Слышите ли вы удары молотков, кующих цепи и для вас? Очнитесь, прислушайтесь, ужаснитесь, если это уже не слишком поздно. Попробуйте исправить то, что вы сделали, или то, что вы допустили сделать над миллионами других, и что будет сделано с вами или вашими детьми!

Очнитесь, пока не поздно!

ПРОЛОГ

XV КАЗАЧИЙ КОРПУС «Видение прошлого»

Как раз в самую распутицу батальон майора Гацюка, к которому я был прикомандирован, получил приказ идти через горный район, контролируемый партизанами, в долину реки Дравы.

Зима кончалась. Южное солнце горячее. Снег растаял буквально на глазах. Грунтовые дороги превратились в совершенно невообразимые мышеловки. Обозные лошади выбивались из сил. Казаки на подъёмах подпирали их своими плечами. И от лошадей, и от людей валил пар. Густая брань висела облаком над колонной.

К вечеру первого дня мы подошли к какому-то селу, переполненному расположившейся там на ночёвку немецкой артиллерией.

Небо нахмурилось, стал накрапывать дождь. Все дома были совершенно переполнены до отказа. Казаки кое-как разместились по амбарам. Подъехавшие кухни стали раздавать людям пахучее варево. Шум и гомон стоял по всему селу. Люди устраивались на ночёвку и тащили откуда-то солому и сено для лошадей. Всё шло так, как и должно было идти. Но, для нас — офицеров, места никак не находилось.

Ткнулись мы в несколько домов, но бывшие там уже немецкие офицеры встретили нас не особенно приветливо. Впрочем, места у них не было действительно. Грустно стояли мы группой около своих лошадей и совещались, как нам быть. Около нас остановилась проходившая крестьянка, прислушалась к русской речи и вдруг к нашему удивлению заговорила с нами по-русски. На ломаном, неправильном, но всё-таки русском языке.

Мы сейчас же спросили у неё, откуда она знает русский язык. Она рассказала нам, что её муж был бывший русский военнопленный, застрявший там с Первой Мировой войны, и он научил её говорить по-русски.

Она сказала нам, что квартиру в селе мы не найдём. Всё плотно забито проходившими войсками, и искать нечего.

— Но, — сказала крестьянка, — отсюда километра полтора вот по этой дороге, на горе стоит замок графов Зринских. Там и сейчас живёт старая графиня. Ей лет за 80! Весь замок в порядке, и там для господ офицеров всегда найдётся место. Замок в стороне от главной дороги и потому проходящие войска обычно туда не идут.

Делать было нечего. Мы сели на лошадей и поехали по указанному направлению. Уже давно стемнело. Дорога круто поднималась в гору. Куда мы ехали мы сами не знали. Приключение было довольно опасное. Партизаны могли оказаться где-нибудь поблизости и перестрелять нас на выбор.

Холодный ветер посвистывал в ветвях деревьев, а ледяные струйки сбегали с воротников шинелей за шиворот. Седло стало мокрым и скользким. Усталые за день езды ноги затекли в прокисших сапогах и ныли. Хотелось добраться до сухого места, раздеться, съесть чего-нибудь горячего и заснуть. Что будет для нас в этом замке?

Вдали сверху темнело что-то большое и бесформенное. Вероятно, это и был замок. Воображение рисовало глубокий ров, подъемный мост, мрачные коридоры и пылающий камин в большом «рыцарском» зале. Однако впереди всё было темно, и ни один огонёк не указывал на то, что там живут люди.

Усталые лошади с трудом вытаскивали ноги из чавкающей глины и тяжело поводили боками. Теплый пар поднимался от них. Все нахохлились и замолчали. Говорить никому не хотелось. Вот ещё метров двести этой ужасной дороги и стало ясно, что впереди стоит большое здание. Но там, по-прежнему было темно и тихо. Вот, наконец, мы и у ворот в каменной стене. Арка ворот полукруглая, низкая. Стена толстенная, вероятно метра в два толщиной, если не больше. Да, настоящий замок. Подъехали. Что же дальше? Кто-то предложил выстрелить в воздух. Нет. Это нельзя. Зачем пугать людей. Один из офицеров слез с лошади и стал стучать в ворота. Гулкое эхо разнеслось за ними. Видимо были своды. Прошло несколько минут тишины и молчания. Постучали снова.

— Может быть, там никого и нет? — высказал кто-то предположение. Все запротестовали. Я думаю не столько потому, что не верили такой возможности, сколько потому, что уж очень обидно было бы возвращаться обратно ни с чем и спать на соломе в каком-нибудь сарае. Да и время было уже достаточно позднее. Около 10 часов вечера.

Но, вдруг мы услышали шаги за воротами, и кто-то спросил нас по-хорватски.

— Ко ђе тамо?

— Официри, — отозвался я.

— Шта желите?

— Переночевать.

В воротах открылось маленькое отверстие — для смотрения или для стрельбы? Луч электрического фонарика скользнул по нашей группе, и ключ заскрипел в замке, а потом стали отодвигаться ржавые засовы.

— От всего это пахло каким-то средневековьем. Ворота распахнулись, и наши лошади гулко застукали копытами по деревянному настилу.

У подъезда спешились, вестовые взяли лошадей и повели их куда-то за человеком с фонарем. В дверях подъезда нас встретил лакей в ливрее с большими гербовыми пуговицами, коротенькими панталонами и в туфлях с пряжками. Его лицо, обрамленное седыми бакенбардами, удивительно похожее на покойного Франца Иосифа, было невозмутимо.

— Господа офицеры, — вежливо поклонившись, сказал он. — Графиня уже почивают, но у нас для господ офицеров всегда есть место. Извольте пока пожаловать за мной в столовую, а потом вам будут указаны ваши комнаты.

При слове столовая мы ожили. Нам уже рисовался богато накрытый стол с дымящимися кушаньями на ослепительно белой скатерти.

Кое-кто из казачьих офицеров застеснялся. Это было совершенно понятно. Ничего подобного им не приходилось в своей жизни видеть даже на фильмах. Мы смущённо оглядывали свои заляпанные грязью сапоги, оставлявшие подозрительные следы на безукоризненно чистом ковре лестницы. Лакей, шедший впереди, распахнул перед нами дверь и торжественным жестом пригласил нас войти.

Дверь закрылась, и мы остались одни. В огромной комнате, в которой свободно можно было бы разместить, вероятно, целый эскадрон, стоял огромный обеденный стол. Он был покрыт белоснежной скатертью, но ничего не говорило о том, что нас собираются кормить.

Мы обождали некоторое время. Надо было бы кого-нибудь позвать из прислуги. Но как? Зал был освещен керосиновыми лампами, зажжёнными над столом. Об электричестве и звонках не было конечно и помину.

Однако наш «цал-майстор», уже бывавший в подобных замках, отправился к двери и обнаружил там толстый шелковый шнур и потянул его. Где-то далеко забренчал колокольчик. Мы переглянулись. Не беспокоить бы графиню? Прошло несколько минут, и снова в дверях появился давешний старик в ливрее.

— Что угодно господам офицерам?

— Извините, пожалуйста, — сказал я, как владевший местным языком, — но мы целый день провели на лошадях, мы голодны, как стая волков. Нету ли у вас чего-нибудь горячего поесть?!

— Пусть господа офицеры извинят, но у нас в 8 вечера в кухне тушат огонь и уже нельзя ничего получить,

— А нельзя ли развести этот огонь?

Старик посмотрел на меня с некоторым испугом: о нет, это замковый порядок. Так было всегда и никогда от этого порядка не отступали... Никогда. Вот завтра утром для господ офицеров будет готов горячий завтрак и сама графиня примет вас.

Мы переглянулись. Перспектива лечь спать в кровать голодными улыбалась нам меньше всего.

Толстый Козлицкий смотрел на меня умоляюще. Майор нахмурился и поправил воротник мундира, хотя в этом не было никакой видимой нужды. Кто-то разочарованно хмыкнул. Я вопросительно посмотрел на старика. Но его лицо сохраняло полную невозмутимость.

Торжественная обстановка, вежливый, оказанный нам приём, исключали всякие дальнейшие настояния. Я тогда решил пуститься на хитрость.

— Нельзя ли в таком случае получить у вас приборы? У нас есть с собой наше походное довольствие, и мы поедим, что есть.

Старик невозмутимо открыл буфет, больше похожий на целый форт или крепость с башенками и резными украшениями, весь из морёного черного дуба и, вероятно, невероятной тяжести. Достал из него тончайшего фарфора тарелки, вынул из ящика серебряные с гербами ножи и вилки и расставил перед нами, потом вынул бокалы и рюмки.

Большая серебряная солонка изображала лисицу, догоняемую собаками. В большой стеклянной вазе посредине стола стояли свежие цветы. Но, никакого поползновения предложить нам чего-нибудь поесть старик не проявлял. Расставив приборы, он вежливо поклонился, пожелал нам приятного аппетита и, сказав, что бы мы его позвали, когда кончим ужин, вышел и закрыл за собой дверь.

Мы переглянулись. Делать было нечего. Видимо, действительно приходилось рассчитывать только на свои собственные запасы.

Все полезли в свои сумки. На столе появилось несколько немецких военных хлебцев, завернутых в целлофан и нарезанных ломтиками. На них стоял и год выпечки: 1934.

У меня в сумке оказалось несколько огромных луковиц сладкого испанского лука, да у запасливого Козлицкого нашлось полтора пакета маргарина.

«Цал-майстор» печально сидел у стола и не принимал участия в общем разговоре. Мы знали, в чём дело. Несколько дней назад он получил письмо о том, что при очередном налете английской авиации его дом был разрушен и жена ранена. Он не знал тяжело или нет, и страшно беспокоился.

Посмотрев на наши приготовления, он тяжело вздохнул, развязал свой рюкзак и вытащил оттуда огромную, литра на два, бутылку ликёра — Бенедиктин. Мы сразу немного оживились. Послышались шутки и смех. Испанский лук был порезан кружочками, Козлицкий мазал ломтики хлеба маргарином и укладывал их кружками лука, ротмистр Шельце разливал по рюмкам ликёр.

Голод не тётка! Мы жадно ели эти необыкновенные сэндвичи, запивали их бенедиктином и смеялись тому

страшному несоответствию между нашим мизерным ужином и окружающим нас великолепием.

После третьей рюмки, выпитой, собственно говоря, на пустой желудок, мы несколько повеселели. В голове появился приятный туман, и сэндвичи из лука казались даже вкусными. Козлицкий уверял, что он в жизни не ел ничего столь оригинального, как эти сэндвичи в сочетании с ликёром:

— Вот кончится война, всё войдёт в норму, обязательно устрою парадный ужин и приглашу гостей на сэндвичи с луком и ликёром.

Все громко хохотали. Вдруг я увидел некоторое удивление на лицах офицеров, сидевших против меня. Они, упорно глядя через меня, медленно поднимались со своих мест. В зале стало тихо. Все стали и повернулись к высоким белым дверям. Одна половинка была раскрыта и в ней стояла высокая старуха в белом платье и чепце. Молча и не торопясь она оглядывала нас, как бы оценивая. Потом, так же молча, она пошла по направлению к столу. Мы сразу поняли, что это была сама старая графиня, последняя фрейлина последнего австрийского императора. Стоя навытяжку, мы отвесили ей поклон и потом, по мере ее движения, поворачивались, чтобы всё время быть лицом к ней.

Она подошла к Козлицкому, молча взяла его рюмку, поднесла её к носу и понюхала. Потом так же молча поставила её на стол, посмотрела на наши «сэндвичи» и спокойно сказала:

— Бенедиктин!.. с луком! О, варвары... И так же неторопливо вышла из комнаты.

С минуту мы простояли неподвижно под впечатлением этого явления. Затем Козлицкий прыснул от смеха, и мы все громко расхохотались...

Через полчаса старик развёл нас по нашим комнатам. Каждому была приготовлена чистая кровать с немного сыроватыми и пахнущими простым мылом, но безупречно чистыми простынями. В тазах на умывальнике была налита чистая вода и висели полотенца. Всё было так, как положено. Как это было заведено, вероятно, ещё лет двести назад или больше.

Яркое солнце разбудило нас утром. Вестовой принёс мне вычищенные сапоги и высушенные бриджи и мундир, и жизнь мне сразу показалась веселей и привлекательнее. В столовой нас

ожидало горячее молоко и чёрный свежий хлеб и масло. Сахара на столе не было, и старик просил нас извинить за его недостачу.

Мы весело пили молоко и ели пахучий хлеб с маслом и вспоминали нашу ночную встречу со старой графиней.

Когда мы кончили завтрак, старик попросил нас перейти в другой зал. Там нас ждала старая графиня. Она милостиво спросила нас на прекраснейшем старинном немецком языке, от которого у нашего «цал-майстора» даже глаза заблестели, как мы провели ночь и не испытывали ли в чём нужду?

Мы конечно рассыпались в благодарностях и поспешили заверить графиню, что мы имели всё, что только нам могло понадобиться.

Пожелав нам счастливого пути, графиня вышла.

Это было видение далекого и прекрасного прошлого. Того, что мы привыкли видеть только на картинах или в кино. Прекрасное умирающее прошлое, — сказал наш майор.

Увы, он был более чем прав.

В этом огромном здании, настоящем замке, с более чем двумя сотнями комнат в это время жило только четыре человека, считая и старую графиню.

Это были всё старые слуги, которые не пожелали покинуть свою барыню, несмотря на угрозы и предупреждения партизан, обещавших расправиться с ними всеми при первом удобном случае.

Старый дворецкий принимал нас. Он был однолетка старой графини и единственным слугой. Его старуха жена была кухаркой, и старик кучер доил двух последних уцелевших коров. Всё было отнято партизанами или новыми хорватскими властями.

То молоко, которое мы так охотно пили в то утро, и чёрный хлеб были единственной или почти единственной пищей всего населения замка.

К сожалению, мы узнали об этом слишком поздно, чтобы прислать графине одну из наших обозных повозок с продуктами, которые мы не знали куда девать.

Что стало с бедной белой дамой, с последним обломком безвозвратно ушедшего мира, я не знаю. Если она не уехала, то конечно... конец её сомнений не вызывает...

Суровый век жестоких людей...

«Да если бы мы знали»...

Ранней весной 1945 года Штаб Корпуса находился в одном маленьком хорватском городке. Там же располагался и наш главный госпиталь, и всякие другие административные учреждения. Война явно подходила к концу, но мы нос не вешали, веря в то, что после разгрома Нацистской Германии война продолжится против коммунизма. Поэтому борьбу продолжали упорно.

Над нами часто летали советские разведывательные самолеты, т. н. «кукурузники». Вреда они нам не причиняли, а казаки упражнялись в стрельбе из винтовок, все надеясь подбить хоть один из них. И вот, наконец, это удалось. «Кукурузник» был сбит, а чудом уцелевший лётчик был взят в плен. Правда, уцелел-то он не совсем: перелом ноги и правой ключицы были ценой его спасения.

Казаки сейчас же подобрали раненого лётчика и доставили его в наш госпиталь. Весть об этом быстро разнеслась по всему Корпусу. Это был первый случай у нас, когда простым винтовочным выстрелом удалось сбить неприятельский самолет. К тому же это был самолет советский, и лётчик в нем был в чине капитана, да еще и с орденами.

Как рассказывали казаки, принимавшие участие в этом деле, лётчик был в сознании и, услышав вокруг себя русскую речь, смертельно испугался... После всех перевязок и наложения гипса лётчика поместили в отдельной палате, но вход к нему был совершенно свободный. И вот началось — из вблизи расположенных частей стали приезжать офицеры-казаки и привозить лётчику, кто что мог получше и вкуснее. Тут, конечно, была и сливовая водка, и вино, и жареные поросята, и гуси, и тому подобное. Конечно, при этом велись и достаточно откровенные разговоры. Выяснилось, что лётчик и понятия не имел, что здесь находится Казачий Корпус в 40 тысяч человек... Когда он услышал впервые русскую речь, то решил, что сейчас его и убьют, и при том самым зверским образом.

Советская пропаганда рассказывала, что у немцев есть такие «враги народа» в составе немецких частей, которых

держат специально для проведения расправ с попавшими в плен советскими бойцами.

Конечно, я тоже побывал у него в гостях — в госпитале не один раз. Он лежал на хорошей кровати, нога в гипсе и подвешена, рядом с кроватью стоял стул, на спинке которого аккуратно висела его гимнастерка с капитанскими погонами и тремя орденами.

Я не помню уже фамилии капитана, да если бы и помнил, то, конечно, не назвал её здесь. Я не знаю дальнейшей судьбы этого бедняги, и не посмел бы подвергать его лишней опасности.

Наши первые встречи проходили весьма сдержанно. Капитан явно не верил, что самое страшное для него уже миновало. Он все ожидал какого-то «суда» и расстрела. Мне и другим офицерам приходилось долго ему доказывать, что мы не воюем с РУССКИМИ, а только с коммунистами. Прошло недели три, и наш капитан как-то освоился и поверил, что он действительно в безопасности. Он рассказал мне с усмешкой о том, как через несколько дней после его взятия в плен, ночью, в коридоре поднялся шум, и он разобрал голос нашего старшего врача, кричавшего кому-то, что он дал распоряжение не привозить сюда раненых, т. к. госпиталь переполнен и мест нет. Потом он услышал, как в коридоре расставляли кровати и укладывали раненых. Он все с трепетом ожидал каждую минуту, что вот-вот откроются двери его комнаты, и его выволокут наружу и пристрелят... Ведь он же враг!..

Однако ничего не случилось. Только в его комнату поставили еще одну кровать и положили раненого казачьего офицера и то только на два дня.

Он рассказывал нам много интересного о том, что творится сейчас в частях Красной Армии. О том, что все уверены, что произойдет смягчение режима, и людям станет жить гораздо легче.

Мы недоверчиво слушали и объясняли, почему никакого смягчения при советской власти быть не может.

За это время из Штаба РОА пришло распоряжение о том, что наш Казачий Корпус должен войти в состав РОА.

Мы все этому чрезвычайно обрадовались. У нас не было никаких сомнений в том, что все чины Корпуса стоят за

это. Однако из Берлина пришло распоряжение о том, что следует сначала выяснить, хотят ли казаки войти в состав РОА или хотят остаться независимыми... Было решено устроить в этом городке СЪЕЗД. От каждой сотни должны были приехать выбранные казаки, по два рядовых и одному офицеру...

Так и было. Съехалось около 300 представителей. Подыскивали в городке подходящее помещение. Для президиума, в который входил и наш командир Корпуса генерал фон Паннвиц, был сделан помост, стены украшены рисованными на картоне эмблемами разных казачьих войск и флагами, больше всего РУССКИМИ — трехцветными.

Я рассказал капитану про предстоящий Съезд и предложил ему побывать там и самому услышать, что будут говорить простые казаки, а может быть и самому выступить в качестве представителя чинов Красной Армии и сказать свое мнение. Капитан задумался и сказал, что не может решить сразу. Что это будет зависеть от того, что он услышит и увидит на собрании.

Я отправился к командиру Корпуса и рассказал ему об этом случае и просил разрешения выступить и этому лётчику.

Генерал Паннвиц задумался, а потом сказал, что он согласен, но если я беру на себя ответственность за то, что лётчик не скажет что-либо скандальное. Я, конечно, согласился. Я был вполне уверен в том, какое впечатление от Казачьего Съезда будет у этого советского капитана.

Наступил день Съезда. Лётчика одели в его гимнастерку с погонами и тремя орденами и на автомобиле перевезли к помещению Съезда. Два казака помогли выбраться ему из автомобиля и почти перенесли в зал и усадили на приготовленный для него стул. Я занял место около него, а казакам сказал не уходить и быть поблизости.

Начались выступления. Говорил генерал Кононов, полковник Борисов и многие другие офицеры и простые казаки. Как удивительно звучали их речи. Хотя говорили они каждый по-своему, но сводили всё к одному: мы боремся за Свободу нашей России. За её единство, за её великое будущее, против поработителей-коммунистов...

Капитан, сидя рядом со мной, слушал внимательно, и я видел, как на него всё сильнее и сильнее действовали речи

этих простых русских людей — казаков разных казачьих войск. Когда выступления подходили к концу, и не нашлось ни одного человека, который бы выступил за «самостийность и отделение от России», я спросил капитана, хочет ли он сказать что-нибудь от себя?.. Капитан кивнул молча головой. Я подозвал двух казаков и приказал помочь капитану добраться до трибуны.

Зал замер. Все прекрасно знали, кто этот капитан. Все, не отрывая глаз, смотрели на его капитанские погоны, на орден, позвякивавшие на ходу, на его забинтованные руку и ногу. Все затаили дыхание, что же он скажет?!

Капитан стоял на одной ноге, облокотившись здоровой рукой на стол. Он тяжело дышал и влажными широко открытыми глазами обводил зал. Вот он пошевелил губами, как будто говоря, но никакого звука слышно не было... И вот, весь напрягшись, собрав все силы, капитан крикнул хриплым, дрожащим голосом: — «Братья, да если бы мы знали... Да ведь в вас ни одна винтовка не выстрелила!..

Дальше говорить ему не пришлось. Тот рев радости и восторга, который поднялся в зале, заглушил все...

Съезд ЕДИНОГЛАСНО проголосовал за соединение с РОА и передал это решение представителю генерала Власова полковнику Бочарову.

С большим трудом, чтобы его не повредили, капитана вынесли из зала с бушующей массой воодушевленных казаков.

Насколько мне известно, через пару дней капитан был отправлен куда-то в военный госпиталь в глубину Германии. Дальнейшая его судьба мне не известна. Будем надеяться, что ему удалось избежать выдачи, репатриации и свирепой расправы.

Вот, что могло быть, но не было нам еще суждено.